

Опубликовано:

Поспелова О.В. Модели мужественности: между плюрализмом и унификацией // Мужское и мужественное в современной культуре: научные доклады и сообщения. – СПб., 2009. С. 17 – 20

Поспелова О.В.
к.филос.н., доцент

Статья посвящена анализу моделей маскулинности как важнейшей составляющей гендерной системы. В качестве примеров рассматриваются дискурсы маскулинности позднесоветского и постсоветского общества.

МОДЕЛИ МУЖЕСТВЕННОСТИ: МЕЖДУ ПЛЮРАЛИЗМОМ И УНИФИКАЦИЕЙ

Современный российский дискурс гендера и сексуальности неоднороден и зачастую противоречив. Безусловно, поддаются вычленению некоторые доминирующие установки и модели, которые и транслируются подавляющим большинством СМК. Совсем не обязательно быть исследователем, чтобы предположить общий тон этих установок: сексистский и гомофобный. И в то же время, как в любом современном обществе, предполагающем принципиальную неоднородность и структурную сложность, у нас отсутствуют универсальные, тотализирующие модели «мужественности» и «женственности». Дело не только в том, что ценности людей, разделенных этническими, религиозными, социально-экономическими и возрастными барьерами, не могут абсолютно совпадать. Противоречивые императивы, максимы, нормы и ценности могут уживаться в сознании одних и тех же индивидов. На это обращал внимание еще Томас Кун, разрабатывая проблемы объективности в научном исследовании¹. А если такая ситуация имеет место в науке, то она тем более характерна для обыденного мышления, не обремененного требованиями логической непротиворечивости и аподиктической очевидности аргументов. Одним (но далеко не единственным) из объяснений противоречивости гендерных установок является тот факт, что в современной российской культуре циркулируют элементы различных по своим истокам гендерных моделей. Условно эти модели можно определить как «традиционная русская модель», «советская модель», «традиционная западная модель» и так называемая «новая модель». Под последней мы понимаем новые тенденции к плюрализации идентичностей, их освобождение от диктата биполярной гендерной модели. Здесь происходит легитимация тех качеств в структурах мужской / женской идентичности, которые прежде ассоциировались исключительно с женщинами / мужчинами и, в силу этого, считались несовместимыми с «подлинно мужскими / женскими» качествами (например, эмпатия как желаемое качество для мужчин или самостоятельность и лидерские качества – для женщин). Доминирующими эти тенденции назвать нельзя, так как они входят в конфликт с традиционными базовыми гендерными установками и не поддерживаются в нашем обществе ни магистральной культурной политикой, ни институциональным порядком.

Что касается первых трех моделей, то они в основном и создают ту гендерную мозаику, из которой складываются образцы, предлагаемые социальным субъектам для их самоидентификации. Однако элементы этой мозаики рассогласованы. Так, например, модель, получившая название «традиционной западной», в качестве смыслообразующих элементов «нормативной маскулинности» выделяет рациональность, требование контроля за

¹ Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории. // Современная философия науки. — М., 1996, с. 65